

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО ИСТОРИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИИ

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции

(г. Москва, 26-27 апреля 2021 г.)

Москва, 2021

УДК 343.8

ББК 67.3

Статьи публикуются в авторской редакции.

Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 26-27 апреля 2021 г.)- М., 2021. – 187 с.

ISBN 978-5-9632-0151-0

Сборник материалов IV-й Всероссийской научно-практической конференции может быть использован в организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы и учебно-воспитательной работе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, популяризации исторических традиций и нравственно-этических основ службы в уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также научного обеспечения деятельности ФСИН России.

На обложке использована фотография здания больничного корпуса нижегородского изолятора специального назначения. 1926 г. В настоящее время ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Нижегородской области.

© ФКУ НИИ ФСИН России, 2021
© ФКУ ЦОУВР ФСИН России, 2021
© Коллектив авторов

ISBN 978-5-9632-0151-0

Ганин Андрей Владиславович,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН,
доктор исторических наук,
e-mail: andrey_ganin@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-8602-1990

**«После 20-дневного допроса я был отправлен в камеру...»
Незаконные методы дознания в деле «Весна» 1930-1931 гг.**

Аннотация: статья посвящена анализу применения незаконных методов дознания следователями в деле так называемой Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации или дела «Весна» 1930-1931 гг.

Ключевые слова: политические репрессии, дело «Весна», Красная Армия.

Ganin Andrey Vladislavovich,

¹⁶¹ РГ ВА. Ф. 38799. Оп. 1. Д. 1. Л. 38-39.

Dr. Hab. hist., leading researcher at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

**“After 20 days of interrogation, I was sent to the camera...”
Illegal methods of inquiry in “The Spring” case 1930-1931**

Abstract: The article is devoted to the analyses of use of the illegal methods of inquiry by interrogators in the case of so-called All-Union Military Officer Counter-Revolutionary Organization or “The Spring” case of 1930-1931.

Keywords: Political reprisals, “The Spring” case, Red army.

Изучение истории советских политических репрессий, несмотря на попытки реабилитации сталинизма, заметные ограничения в доступе исследователей к архивным документам по этой теме в России и определенные затруднения с публикацией исследований, тем не менее неуклонно продвигается вперед. Во многом способствует этому свободный доступ к архивным источникам по этой проблематике на Украине и в Прибалтике.

К принципиально важным аспектам этой темы следует отнести вопрос о том, когда органы госбезопасности начали широко применять в своей деятельности незаконные методы воздействия на арестованных в целях получения признательных показаний, что, в конечном итоге, привело к массовым самооговорам и фальсифицированным признаниям, положенным в основу системы работы органов госбезопасности эпохи «Большого террора».

Нередко можно слышать утверждения, что преступные методы ведения следствия были характерны лишь для 1937-1938 гг., а до того законность якобы соблюдалась. Рассмотрим этот вопрос на примере дела Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930-1931 гг.

Значительная часть признательных показаний по делу «Весна» была сфальсифицирована следователями или была получена от арестованных под давлением, в результате обмана, шантажа, издевательств и пыток. О применении пыток на следствии по делу «Весна» известно из жалоб арестованных, а также из такого объективного источника по этому вопросу, как материалы негласного внутрикамерного наблюдения 1930-х гг., зафиксировавшие обсуждения репрессированными применявшихся к ним пыток. Еще одним объективным источником являются материалы реабилитации репрессированных периода 1950-х гг., когда уцелевших передопрашивали.

Следователями применялись пытки холодом и жарой. Так, бывший подполковник старой армии И.Г. Баковец, которому расстрел заменили десятью годами лагерей, уже оказавшись в Сиблаге, в 1933 г. написал заявление с Осиновского рудника Кузнецкстроя. В заявлении он отметил, что был вынужден оговорить себя «в силу того режима и тех жестоких мер, которые были применены в отношении меня моими следователями Троттом и Мицулом, именно: первый посадил меня на голодный паек на 2 мес[яца] 7 дней, а второй пропустил меня через три “пункта”, которых я не вынес и оклеветал себя в той мере, в какой это нужно было следователю Мицулу. Мои два отказа от клеветнических показаний были Мицулом изорваны, а жалоба моя прокурору на

его действия не только дальше рук следователя не пошла, но еще, по словам Мицула, увеличила мое наказание»¹⁶².

В другом заявлении Баковец привел подробности: «В ночь с 14/15 октября 1930 г. во время массовых арестов по г. Киеву был арестован и я. Во время следствия мой следователь Тротт предъявил мне обвинение сначала по ст. 58. п. 10 и 11, потом по п.п. 4 и 14 той же статьи и по ст. 61 за укрывательство службы в белой армии. Не чувствуя за собой никакой вины, как в к[онтр]р[еволюционной] организации, так и в службе в белой армии, в которой я никогда не служил, я отверг обвинения, за что был посажен на “голодный паек” с переводом в одиночную камеру.

Второй мой следователь тов. Мицул на первом же допросе назвал меня “членом к[онтр]р[еволюционной] организации” и потребовал от меня чистосердечного раскаяния, которое, по его словам, уже дали другие, и тогда я буду под расписку выпущен на волю до окончания следствия. Моих показаний о непричастности к к[онтр]р[еволюционной] организации тов. Мицул и слышать не хотел и решительно заявил, что если я не раскаюсь, то он “найдет средства заставить меня раскаться, ибо этого требует партия”; если же я не сознаюсь, то “буду расстрелян, как самый упорный враг Соввласти”. Когда же и после таких угроз я дал отрицательное показание, тов. Мицул сам лично свел меня 9/1 1931 г. на “Холодный пункт № 1”. Я был одет по-летнему и имея от истощения нарывы, которые разбухли от холода, я не выдержал пункта, через двое суток попросил вызвать меня к следователю. Следов[атель] Мицул потребовал от меня немедленно написать “раскаяние”, иначе опять отправит на пункт. Идти на пункт я не мог и, находясь в безвыходном положении, я написал раскаяние в той форме, какую мне продиктовал тов. Мицул и только после этого я был отправлен в Допр¹⁶³. 11/1 из Допра я послал следователю отказ от моего вынужденно-ложного показания.

13/1 я был вызван снова тов. Мицулом, который изорвал мое показание-отказ и потребовал подтвердить “раскаяние”, от чего я отказался и был отправлен на другой пункт. Я не вынес и второго пункта и через несколько суток снова оклеветал себя, подтвердив первое раскаяние.

16/1 я был снова вызван на допрос. Тов. Мицул сказал, что в моем раскаянии “много воды” и потребовал переделать его; в этот раз тов. Мицул назвал меня “нач[альни]ком штаба к[онтр]р[еволюционной] организации” и требовал описания моей работы в этой должности. Я отказался от дальнейшей клеветы на себя, сказав, что если меня уж так нужно расстрелять, чем мне все время угрожал след[ователь] Мицул, то для этого достаточно лишь первого раскаяния. После такого заявления тов. Мицул направил меня на пункт № 4, где я просидел четверо суток и на пятые сам попросил вызвать меня для перевязки ран. И в этот раз я отказался развивать мое ложное показание и просил делать со мной, что угодно, только больше не мучить. Тогда тов. Мицул, крикнув: “Я сам буду настаивать на расстреле тебя”, отпустил меня и больше не вызывал...

Таким образом, я, будучи честным гражданином, честно прослужившим в рядах Красной армии больше 10 лет на ответственных должностях в самое

¹⁶² Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 100 об.

¹⁶³ ДОПР – дом предварительного заключения.

тяжелое время Гражданской войны, в силу вышеизложенных обстоятельств сделался “политическим преступником”, никогда не занимаясь политикой»¹⁶⁴.

В еще одном заявлении, датированном августом 1932 г., Баковец отметил, что после «холодного пункта» подвергся пытке «жарким пунктом», а на пункте № 4 подвергался издевательствам охраны из слушателей высшей школы милиции, «которые избивали при малейшем шевелении или дремоте. В этот раз нарыв у меня на руке дал нагноение по всей руке, и я попросил медпомощи; сам же тогда решил сидеть до полной потери сознания»¹⁶⁵. По-видимому, угроза обнаружения следов была нежелательной и следователь завершил пытку, хотя и не предоставил медицинской помощи.

Практиковались пытки многодневной стойкой и сидением на стуле без сна. Е.П. Барятинский (секретный сотрудник ОГПУ «Кириллов»), также арестованный по делу, писал 12 декабря 1931 г. из Усть-Вымского лагеря в Коллегию ОГПУ СССР, что на следствии старший уполномоченный Фишер «с целью добиться признания применил ко мне методы, во всяком случае, – не предусмотренные союзным законодательством: я был поставлен на ноги в совершенно темном, сыром, холодном чулане, где мне было запрещено сидеть, курить и спать. В таком положении я простоял трое суток, почти без еды и воды, подвергаясь усиленным допросам, пока не начал галлюцинировать от изнеможения. Тогда только, видя очевидную беспочвенность этих действий, я был освобожден от мер физического воздействия»¹⁶⁶.

Барятинский сообщал о мучениях других арестованных. Военный инженер В.А. Шрамм «рассказывал... как после ареста, – долго не мог сознаться в том, чего не делал. Как тоже сидел без сна на каком-то особенном стуле, в особой комнате, с группой других людей. Он видел, как эти люди, лишённые сутками сна и пищи, – начинали галлюцинировать... Видел, как искажались лица в борьбе за свою правоту и, как сломанные временным психозом люди, – катились вниз, по пути взаимной клеветы, лжи, – потеряв свой облик и веру во что бы то ни было! Шрамм чувствовал, что еще немного – и он сам станет таким же ненормальным. Тогда он, под влиянием утомленности и невольного ужаса – перестал сопротивляться... Он стал писать фантастические вещи, комичные по форме, но трагические по содержанию! У него – 10 лет!

Так было в Киеве, так было в Одессе... Писали все. Или, вернее, – почти все. И таких было очень много»¹⁶⁷.

Бывший инспектор войск ГПУ по должности начальника тыла 8-го корпуса заключенный И.П. Зелинский рассказывал, что «в гор[оде] Житомире... в бытность его подследственным, следователь Загурьян применял якобы при допросах с целью добиться нужных для него показаний целого ряда¹⁶⁸ инквизиторских приемов. Т.к. подследственный продолжительное время отнекивался, то по приказанию следователя Загурьяна комендант отводил не сознавшегося в огромную пустую комнату, ставил посредине под наблюдение конвоира и так заставлял стоять по несколько дней. Затем как бы случайно, зайдя в эту комнату, следователь делал удивленные глаза, принимал возмущенную позу,

¹⁶⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 114-114 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 119.

¹⁶⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 173 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 177об.-178.

¹⁶⁸ Так в документе.

велел привести подследственного к себе в кабинет, тут же выговорив по фальшивому телефону коменданту, а затем предлагал подследственному писать показания. При добровольном сознании подследственному сейчас же предлагался чай, папиросы, бутерброды с икрой и даже вино. В некоторых случаях следователь сначала сажал допрашиваемого, не сознавшегося, на высокую цветочную подстановку, где человек мог лишь полусидеть. В результате таких сидений и стояний с допросов люди возвращались в камеры с разрезанными сапогами от отека ног и т.д.»¹⁶⁹.

Один из арестантов говорил: «Сотрудники ГПУ заставляли нас называть как можно больше фамилий людей, явно не причастных к делу и что поэтому многие во время следствия запутали в дело массу невинных людей. Тех, кто не соглашался на такую провокацию, морили голодом, так, что ноги пухли, а кто слушался, тем давали деньги, икру, масло. На их языке впутывать в дело невинных людей называлось “вербовать”»¹⁷⁰.

Бывший подполковник В.Э. Левис, кавалер Георгиевского оружия, вспоминал, что его посадили в комнату, где он без сна просидел 12 суток, после чего «понял», что фигурантов дела надо было «изъять» и начал сотрудничать со следствием, убедив в этом и своих однодельцев. По словам Левиса, в ГПУ их мучили хуже, чем во времена инквизиции: «Хотя здесь и пишут о[б] ужасах в застенках сигуранцы и дефензивы, но там того не делают, что делают в ГПУ»¹⁷¹.

Испытательный стул был распространенной пыткой. И.Г. Фузик сообщал, что пытка представляла собой «в течение нескольких суток сидение без пищи и без сна и если кто в это время начинал дремать, так его сейчас же избивали. Некоторые высиживали по 10 суток..., но в конце концов соглашались признаться и выходили оттуда скелетами. У стульев дежурили начальники милиции, которые в это время были на каких-то курсах в Киеве и избивали заключенных беспощадно. Других (бывших военспецов) пропускали конвейером через семь уполномоченных, которые били их рукоятками наганов или ребром ладони по шее и кулаками в бок»¹⁷². Арестованному Е.Л. Дроздовскому устраивали имитацию вывода на расстрел.

И.Г. Фузик отмечал, что всех его однодельцев посадили в камеры со шпаной, а после получения признательных показаний фигурантам дела выдали матрасы и постельные принадлежности. Самого себя Фузик оговорил после очной ставки с другим арестованным, Гольдманом. Последний показал, что завербовал Фузика, а тот не сознавался. Следователь оставил их наедине, чтобы они договорились. Тогда Гольдман убедил Фузика не сопротивляться, а наговорить на себя.

Помимо стойки и сидения на стуле практиковалась пытка голодом, побои и имитация смертной казни. Ф.Т. Пшеничный в разговоре сообщил секретному осведомителю «Пушкарю»: «Не давали есть по трое суток, такое же количество суток меня заставляли стоять, как в строю по команде “смирно”, били морду, имитировали расстрел, подготавливали к повешению, подготавливали к битью шомполами, когда обессилел и не мог стоять, дали подпорки, но заставляли

¹⁶⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 80.

¹⁷⁰ Там же. Л. 4-5.

¹⁷¹ Там же. Л. 5.

¹⁷² Там же.

стоять, после чего сразу шесть следователей в конвейерной системе стали меня допрашивать и все же после всего этого я не сознался»¹⁷³.

А.Н. Козлов осведомителям «Каменеву» и «Арматурщику» сообщил о пытках в киевском ГПУ: «Меня били и очень сильно курсанты Киевской школы милиции, во время допросов держали по целым дням на стуле, доводя до полного изнеможания и упадка сил, поддерживая одним лишь чаем, а если кто и засыпал на длительных допросах, то спать не давали и будили. Таким образом, умышленно создавали такие условия, что оставалось только признаться и подписаться в обвинении, которое было предъявлено ОГПУ... Козлов рассказывал, что на его глазах сотрудники Киевского ГПУ выдергивали у попов из бороды по одной волосинке, причиняя последним страшную боль и страдания»¹⁷⁴.

Бывший командир батальона 136-го стрелкового полка А.П. Солодянкин рассказывал, что сидевшие с ним в камере говорили о методах следствия: «Рассказывали как будет меня допрашивать следователь, что он будет говорить и как поступают с теми, которые не желают брать на себя вину. К ним применяли способ сажания на стул на несколько суток, применяли побои, угрожали и даже пугали немедленным расстрелом... к моему великому ужасу все это подтверждалось при первых же моих вызовах на допрос к следователю т. Карасину»¹⁷⁵.

Сразу несколько фигурантов дела «Весна» (В.И. Карпов, А.Н. Козлов, С.С. Колотинский, В.Э. Левис и В.И. Лавров) в разговорах обсуждали, как их пытал начальник киевского окружного отдела Иванов, «сажая на “стул пытки”, держа их на этом стуле до 12 суток до тех пор, пока они не потеряют окончательно сознания от усталости и таким образом заставляли их сознаться в участии в контрреволюционной организации»¹⁷⁶.

Бывший дивизионный инженер М.Ф. Коробейников в январе 1932 г. рассказывал в лагере «о всех издевательствах, которым якобы они подвергались в отделениях ОГПУ, некоторые арестованные, по его словам, не только не спали, а даже на стул не садились по 2-3 недели, и что якобы он, Коробейников, не садился и боролся с собой 17 дней. Некоторые, по его словам, не выдерживали, бросались с 3 этажа и убивались и таких случаев самоубийства он перечислил около 6-ти. Он рассказывал, что на 17-й день ему принесли следователи подписать ложные показания, уверяя его, что мол вы наш человек, что мы знаем, что вы невиновны, мы вас скоро освободим, но нам нужен вот этот материал, нам необходимо создать дело и т.п., и он, Коробейников, находясь в тяжелом физическом и моральном состоянии вынужден был подсунутый ему материал подписать... Комдив 30 Мясоедов был арестован и, не выдержав пыток и издевательства, выбросился в Харькове с 3-го этажа и убился на смерть»¹⁷⁷.

Пытку высоким стулом описал В.И. Зубкович: «[Следователь Карасин] вызвал конвоира и направил меня в какую-то пустую комнату, в которой сидело человек 5 на высоко стоящих стульях, причем ноги сидящих были на весу. Я сел

¹⁷³ Там же. Л. 146.

¹⁷⁴ Там же. Л. 147.

¹⁷⁵ Там же. Л. 150.

¹⁷⁶ Там же. Л. 147.

¹⁷⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 87.

на стул и дежуривший в комнате милиционер предупредил меня: “Сидеть тихо, смиренно, не разговаривать и не болтать ногами, а то доложу следователю”.

И вот я сижу в абсолютной тишине, даже в ушах звенит. Чувствую, что у меня начинают неметь ноги и пошевелить ими я уже не могу, ноги не повинуются. Чувствую, что у меня мутится голова, и я чувствую, что мне делается нехорошо. Сколько я так просидел, я не знаю, но очнулся я, когда уже был в своей камере. Страшно болели ноги, трудно было двигаться и болела голова»¹⁷⁸.

Тот же Зубкович показал, что содержался в небольшом подвальном помещении длиной четыре шага и «шириной такой, что если расставить руки в сторону, то они упрутся в стены»¹⁷⁹. В такой камере содержалось семь человек. Ночью в камеру привели человека с сумасшедшими глазами, по виду которого Зубкович заключил, что его привели «со стула». В другой камере Зубкович встретил знакомого по службе Кожина, который «до того ослаб от сиденья несколько раз на стульях, что когда надо было испражняться в уборной, то его вели под руки несколько человек и поддерживали его над стульчаком на руках, пока он испражнялся»¹⁸⁰.

Однако многие признавались не под пытками, а лишь под их угрозой или же в результате различных манипуляций и давления следователей. И.В. Хазов делал неутешительный вывод в разговоре с агентом «Пушкарем»: «Такую сволочь, которая, испугавшись стульчаков и даже одних разговоров об этих стульчаках в ГПУ, писала на себя всякую ерунду, сидевши в ДОПРе, вербовала в контрреволюционную организацию кого попало и как попало и кого только вздумается или на кого намекали следователи – таких на фронт не возьмут, да и как можно Советской власти доверять этим людям, которые, испугавшись чего-то, взводили на себя такое чудовищное обвинение, ведь они могут с такой же ясностью и предать в трудную минуту Советскую власть»¹⁸¹.

Схожие данные имеются в материалах реабилитации. Так, на передопросе 6 апреля 1956 г. бывший подполковник старой армии и военспец РККА В.В. Виноградов показал: «После ареста я первые дни ничего не рассказывал, так как в действительности я ни в какой военной организации не состоял. Однако позже ко мне стали применять физические меры воздействия – избиения, издевательства и всевозможные угрозы, в силу которых я вынужден был оговорить себя и других лиц.

В основном избиениям я подвергался со стороны работника ГПУ, ведшего мое дело, Эмильева.

Не выдержав избиений и издевательства, по указанию Эмильева я вынужден был сам писать то, что в действительности мною не делалось.

В силу таких методов ведения следствия я оговорил себя, также вынужден был неправду показать и о других лицах, якобы, являвшихся участниками этой несуществующей повстанческой организации.

¹⁷⁸ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації»... // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 395.

¹⁷⁹ Там же. С. 396.

¹⁸⁰ Там же. С. 397.

¹⁸¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 149.

Ранее данные мною показания я категорически сейчас отрицаю, так как они являются оговором и в отношении меня и в отношении других лиц в силу неправильных методов ведения следствия»¹⁸².

Супруга Виноградова в обращении на имя председателя ЦИК СССР еще в 1931 г. не побоялась указать, что: «Со слов осужденных по этому же делу мне известно, что в первые месяцы ареста к ним были применены такие неслыханные, так называемые “методы воздействия”, которые заставили их не только принять на себя инкриминируемое им обвинение в участии в контр[революционной] организации, но и потянуть за собой других, таких же невиновных, как и они.

Одни “сознались” раньше, другие позже, в зависимости от того, насколько хватало сил переносить “методы воздействия”.

Конкретно это было в течение нескольких суток (в зависимости от выносливости субъекта): не давали спать, бросали в горячие камеры или наоборот – со льдом, водили на мнимые расстрелы, угрожали расстрелять в случае несознания, семью, устраивались фиктивные инсценировки арестов и пыток жен, в течение нескольких суток заставляли стоять на одном месте, не давая сесть, и многое другое... были случаи избиения арестованных (пом[ощником] уполном[оченного] Особ[ого] отдела тов. Эмильевым)»¹⁸³.

Группа из тринадцати арестованных командиров в 1931 г. даже подписала коллективное обращение к наркому К.Е. Ворошилову. Передать его на волю удалось только на следующий год в июле 1932 г. в городе Повенце. Документ супруге В.В. Виноградова передал бывший помощник начальника ПВО Украинского военного округа (УВО) А.А. Полянский.

Документ гласил: «Старший начсостав 80^й стрелк[овой] дивизии им. Донбасса и ВУЗов УВО, верно и честно служивший в рядах Красной армии и награжденный за боевые отличия орденами Красного Знамени и наградами, глубоко преданный делу социализма, обращается к Вам, к своему вождю, стать на нашу защиту перед партией и Сов[етским] правительством.

Мы арестованы органами ОГПУ, нам инкриминируется измена трудовому народу и Красной присяге воина РКК армии.

Не выдержав моральных и физических мер воздействия следствия, мы оклеветали себя и друг друга.

Никакие мольбы, доводы, искренние слезы в собственную защиту не принимались во внимание.

Мы на краю гибели и общественного позора.

Клянемся Вам, что мы были честными бойцами, навсегда вплели себя в ряды Красной армии. За что же этот позор?

Просим Вас дать нам возможность до конца своей жизни остаться честными гражданами СССР и ее бойцами.

Сталино 1931 год

II-й сектор ГПУ УССР»¹⁸⁴.

Документ подписали помимо А.А. Полянского бывший старший врач 240-го полка В.А. Хохловкин, бывший помощник начальника 1-й части штаба 80-й стрелковой дивизии Ясинский, бывший дивизионный ветеринарный врач Башков, бывший дивизионный инженер И.В. Лазаревич, бывший военрук Донецкого

¹⁸² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3181 (3010). Л. 27об.-28.

¹⁸³ Там же. Л. 40-40об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 41-41об.

горного института В.В. Виноградов, бывший военрук Енакиевского ВУЗа А.П. Красовитов, бывший военрук Лисичанского техникума Никитенко, бывший начальник штаба артиллерийского полка Г.В. Бутенко, бывший командир 240-го полка Александров, бывший командир 238-го полка В.В. Хмелевский, бывший заведующий военным кабинетом Сталинского горного института А.В. Шведов и преподаватель физкультуры Сталинского горного института М.Б. Цыпринский.

Подтверждая эти факты, В.А. Хохловкин сообщал в 1956 г., что «с помощью недопустимых методов следствия (многодневное лишение сна, многочасовое стояние на ногах, инсценировка смертного приговора и расстрела) Вихман и Эмильев добились от меня “признания”, что я принадлежу к офицерской контрреволюционной организации»¹⁸⁵.

Практиковались конвейерные допросы. М.Б. Цыпринский показал в 1956 г., что «после ареста я в камеру не отпускался на протяжении 20 суток.

В этот период времени меня все допрашивали, требовали, чтобы я дал показания о принадлежности к антисоветской организации, мне не давали спать. На время, когда следователь Эмильев уходил на отдых, ко мне ставили вахтера, который мне не давал спать, а затем приходил следователь и начинал допрашивать. Такой допрос продолжался на протяжении 20 суток. Несмотря на то, что в результате такого допроса я физически обессилен, у меня началась галлюцинация, ноги опухли, я никаких вымышленных показаний не дал. После 20-дневного допроса я был отправлен в камеру, и меня больше после этого не допрашивали»¹⁸⁶. В.И. Зубкович в 1959 г. показал, что один допрос заканчивался в четыре утра, в тюрьму привозили к шести утра, а следующий допрос начинался уже в девять часов¹⁸⁷.

Применялось и психологическое давление. В.И. Зубковича, к примеру, шантажировали арестом жены¹⁸⁸. К.В. Больших в заявлении на имя Главного военного прокурора СССР в 1961 г. писал: «Физических насилий или даже физических принуждений я не имел, но вот психическое воздействие было, пожалуй, единственным и доминирующим методом следствия того времени. То нас водворят в камеру смертников, то нас возят по городу Киеву в открытом автомобиле вечером под видом прогулки, как говорили “проветриться”»¹⁸⁹.

Заключенный Соловецкого лагеря В.И. Браун 27 февраля 1932 г. заявил, что «дело киевской группы “Весна” вымышленное. При следствии сотрудники ОГПУ заставляли брать на себя вину преступлений, которые не совершались, а обвиняемые, будучи поставлены в невозможные условия, вынуждены были признаваться в мнимых преступлениях»¹⁹⁰. Сотрудников ОГПУ сравнивали с инквизицией. Дошло до того, что начальство Усть-Вымского лагеря весной 1932 г. было всерьез обеспокоено проблемой дискредитации органов ОГПУ из-за таких разговоров заключенных, которые слышали и вольнонаемные служащие¹⁹¹.

Необходимо упомянуть о судьбах тех следователей-преступников, пытавших арестованных по делу «Весна». В изученных нами документах

¹⁸⁵ Там же. Л. 57.

¹⁸⁶ Там же. Л. 52об.-53.

¹⁸⁷ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації»... // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 395.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. С. 403.

¹⁹⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 143.

¹⁹¹ Там же. Л. 73.

приведены фамилии следователей Вихмана, Загурьяна, Карасина, Мицула, Тротта, Фишера, Эмильева. К сожалению, данные об их судьбах отрывочны. Известно, что следователь А.И. Мицул был арестован в 1938 г., но освобожден, повторно осужден в 1943 г. и освобожден в 1947 г. С 1978 г. – персональный пенсионер союзного значения. Следователь Б.М. Карасин был арестован в 1938 г., но позднее освобожден. Следователь М.М. Вихман был арестован в 1938 г. Осужден в 1939 г., на следующий год освобожден. Еще в Гражданскую войну Вихман служил начальником оперативного отдела Одесской ЧК и лично осуществлял казни, а в апреле 1921 г. был председателем Крымской областной ЧК. В 1940 г. он с гордостью вспоминал, что в Гражданскую войну уничтожил несколько тысяч врагов советской власти, причем несколько сотен лично¹⁹². Вихману пришлось испытать на себе те же методы, которые применял он сам. Виновным себя он признал в 1938 г. после непрерывного стояния на ногах и побоев. Реабилитирован. Умер он во Львове в 1963 г.¹⁹³

Хотя в начале 1930-х гг. незаконные методы воздействия еще не применялись столь широко, как в период «Большого террора», тем не менее их использовали достаточно активно для фабрикации нужных следствию результатов. Выбитые под пытками или давлением признания являлись вымыслом и фальшивкой, выдававшимися за истину. Позднее, когда репрессии приобрели конвейерный характер, по-видимому, пытки в ряде случаев становились даже избыточными, так как попросту подделывались показания арестованных¹⁹⁴.

Следователями по делу «Весна» применялись психологическое давление, шантаж арестами и притеснением родственников, конвейерные допросы, лишение сна и пищи, стойки по несколько суток, переохлаждение или перегрев, помещение на несколько суток на высокий стул без возможности спать и шевелиться, побои, имитация казни или телесных наказаний, заключение в тесном помещении и т.д.¹⁹⁵

Помимо того, что пытки сами по себе являются преступлением, а в отношении невиновных в особенности, следует сказать и еще об одном аспекте этой темы. Поскольку речь шла о фальсификации тысяч дел, преступные методы в итоге формировали искаженное мировосприятие у руководства органов госбезопасности, у руководителей СССР, а через пропаганду – и в обществе в целом. Порой начинали верить в обоснованность обвинений даже сами арестованные. Искажённое мировосприятие власти и общества влекло за собой ошибочные решения, легитимизировавшиеся населением, а, как следствие, усугубляло внутреннее положение СССР в крайне сложный период его развития. В конечном счете жертвами этой системы стали и ее создатели – сотрудники НКВД, которые позднее также оказались уничтожены по нелепым обвинениям.

¹⁹² Тумшиш М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936-1938 гг. Опыт биографического словаря. М., 2017. С. 193.

¹⁹³ Подробнее о нем см.: Там же. С. 192-194.

¹⁹⁴ См., напр.: Ганин А.В. Тактика полковника А.Д. Сыромятникова: русский офицер на следствии Политцентра и НКВД // Русский сборник. Исследования по истории России. 2018. Т. 25. 1937 год. С. 321-343.

¹⁹⁵ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації»... // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 353-354, 386, 394-398, 402-403.

Всестороннее осмысление и изучение этого опыта, широкое осознание недопустимости политических репрессий и пыток позволят преодолеть сохраняющиеся последствия той эпохи, равно как и ее идеализацию в мышлении наших сограждан.